

ему виден дворец богача. Они забывают, что в слишком густонаселенных кварталах целые поколения гибнут от недостатка воздуха и солнца и что устранение этой несправедливости должно быть первой обязанностью Революции.

Но не будем останавливаться на этих не бескорыстных возражениях. Мы знаем, что-то неравенство, которое еще будет продолжать существовать между Парижем и деревней, - неравенство такого рода, что с каждым днем оно будет уменьшаться. Как только крестьянин перестанет быть выучным животным фермера, фабриканта, ростовщика и государства, деревня точно так же не замедлит устроить себе более здоровые помещения, чем существующие теперь. Неужели же для избежания временной и поправимой несправедливости мы удержим несправедливость целых веков?

Не более сильны и так называемые практические возражения.

«Вот, например, - говорят нам, - какой-нибудь бедняк, которому удалось ценою ряда лишений приобрести дом, достаточно просторный для него и для его семьи. Он вполне счастлив в нем; неужели же вы выгоните его на улицу?»

«Конечно, нет! Если его дома хватает только для помещения его семьи, пусть себе и живет в нем на здоровье; пусть копается в своем садике! В случае надобности наши же молодцы помогут ему. Но если в его доме есть квартира, которую он сдает какому-нибудь жильцу, то народ скажет этому жильцу: «Вы знаете, товарищ, что вы больше ничего не должны вашему старику? Живите в своей квартире и не платите больше ничего: теперь нечего бояться, что полиция вышвырнет вас на улицу; теперь - социальная революция!»».

И если хозяин дома занимает один двадцать комнат, а в том же квартале есть мать с пятью детьми, живущая в одной комнате, то народ пойдет и посмотрит, не найдется ли среди этих двадцати комнат несколько таких, из которых после некоторых переделок могла бы выйти порядочная квартирка для этой матери. Разве это не будет справедливее, чем оставить ее в трущобе, а откормленного богача - в его дворце? Этот последний скоро, впрочем, привыкнет к своему новому положению, а его жена будет даже очень рада избавиться от половины своей квартиры, когда у нее больше не будет служанок.

«Но ведь это будет полный хаос! - закричат защитники порядка. - Это значит переезды без конца! Уж лучше прямо выгнать всех на улицу и затем брать квартиру по жребия!» - Мы уверены, однако, что если в это дело не вмешается никакое правительство, а все будет предоставлено группам, свободно образовавшимся с этой целью, то число переездов с квартиры на квартиру будет меньше, чем число людей, которые теперь переезжают в течение одного года вследствие жадности домовладельцев.

Во-первых, во всех больших городах есть столько свободных квартир, что их, может быть, хватило бы для помещения всех обитателей трущоб. Что касается дворцов и роскошных квартир, то многие рабочие семьи даже вовсе не захотят их, потому что ими можно пользоваться только тогда, когда для их уборки существует многочисленная прислуга. Их обладателям скоро пришлось бы поэтому искать себе менее роскошных помещений, в которых банкирши сами могли бы готовить себе кушанье. Мало-помалу, таким образом, население разместится в существующих квартирах совершенно мирно и по возможности без лишних неприятностей, причем не будет никакой надобности переселять банкира под конвоем на чердак, а обитателя чердака - во дворец банкира. Разве крестьянские общины не распределяют свои поля с таким незначительным беспокойством для владельцев отдельных участков, что остается только удивляться здравому смыслу и разумности употребляемых для этого приемов?